

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДИКИ ЕЕ ПРЕПОДАВАНИЯ

LITTERATERRA

Материалы IX Международной
конференции молодых ученых

Выпуск 15

Часть 2

Екатеринбург 2021

УДК 82(091)
ББК Ш33(0)
Л52

рекомендовано Ученым советом федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве научного издания (Решение № 98 от 14.12.2021)

Л52 LITTERATERRA. Вып. 15, Ч. 2. Litteraterra: проблемы поэтики
русской и зарубежной литературы : материалы IX Международной
конференции молодых ученых, 4 декабря 2020 г., Екатеринбург / Уральский
государственный педагогический университет ; главный редактор
И. А. Семухина. – Екатеринбург : [б. и.], 2021. – 1 CD-ROM. – Текст :
электронный.

ISBN 978-5-7186-1912-6 (ч. 2)
ISBN 978-5-7186-1852-5

В данном выпуске сборника представлены материалы Международной
конференции молодых ученых, посвященной изучению жанровых процессов,
стилевых особенностей, нарративных стратегий, поэтики русской и зарубеж-
ной словесности. Сборник рассчитан на преподавателей, аспирантов, студен-
тов филологических факультетов и всех, кто интересуется классической и со-
временной литературой.

Тексты проходят рецензирование, публикуются в авторской редакции.

УДК 82(091)
ББК Ш33(0)

ISBN 978-5-7186-1912-6 (ч. 2)
ISBN 978-5-7186-1852-5

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2021
© Кафедра литературы и методики
ее преподавания, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЗ – СЮЖЕТ – ХРОНОТОП

<i>Судакова К.В.</i> Образ Царского Села в русской поэзии XVIII века.....	6
<i>Александрова Ю.Н.</i> Герой и время в романах Вс. С. Соловьёва «Волхвы» и «Великий Розенкрейцер».....	12
<i>Евграфова А.А.</i> Образ времени и действительности в рассказе И.А. Бунина «Косцы».....	18
<i>Аксенова Д.А.</i> Солнцелюбие: В. Маяковский и В. Хлебников.....	23
<i>Пелевина П.В.</i> Образ солнца в стихотворениях А. Кудряшевой и В. Маяковского.....	30
<i>Самофеева Т.С.</i> Апокалиптические мотивы блокадной лирики А.А. Ахматовой.....	38
<i>Цыганов Д.М.</i> На пересечении сфер поэтики: пространственные метаморфозы как средство конструирования образа Сталина в рассказе В. Г. Сорокина «Аварон».....	45
<i>Кауган В.С.</i> Сюжет об иконописцах в повести В. Костерина «Омофор над миром. Ченстоховская чудотворная»....	55
<i>Попова Ю.В.</i> Основные образы в романе Дж. С. Фоера «Вот я».....	62
<i>Тыщук Д.С.</i> Специфика хронотопа в повести-сказке В. П. Крапивина «“Чоки-чок”, или Рыцарь Прозрачного кота».....	69
<i>Фалалеева С.С.</i> Архетип Прекрасного Принца в романе Л. Зарецкой «Приворот для Золушки».....	77

АВТОР – ГЕРОЙ – ЧИТАТЕЛЬ

<i>Скрипаченко А.С.</i> Образ Гёттингена в дневнике Николая Тургенева.....	83
<i>Сичинава В.В.</i> Речевой портрет эмансипированной женщины в пьесах А.П. Чехова....	90
<i>Кокорина А.Н.</i> Концепт «голос» в творчестве О. Уайльда и А. Куприна.....	97

Д. С. Тыщук

*(Луганский государственный педагогический университет,
Ровеньки, АНР)*

СПЕЦИФИКА ХРОНОТОПА В ПОВЕСТИ-СКАЗКЕ В. П. КРАПИВИНА «“ЧОКИ-ЧОК”, ИЛИ РЫЦАРЬ ПРОЗРАЧНОГО КОТА»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению специфики хронотопа повести-сказки В.П. Крапивина «“Чоки-чок”, или Рыцарь Прозрачного кота». Хронотоп, организация времени и пространства в произведении, обуславливается жанровыми особенностями, идиостилем писателя. Хронотоп повести-сказки В.П. Крапивина характеризуется наличием трех измерений: реального мира, ирреального мира дома Пеночкиных, волшебной страны Австралии. Центральный персонаж произведения Леша Пеночкин – связующее звено трех измерений хронотопа произведения. Он действует в трех мирах: в реальном мире – как активный ребенок, в мире ирреальных обитателей собственного дома – как добродушный помощник, в волшебной стране Австралии – как находчивый победитель злого колдовства.

Ключевые слова: хронотоп, пространство, время, художественный образ, повесть-сказка.

D. S. Tyshhuk

*(Lugansk State Pedagogical University,
Rovenki, Luhansk People's Republic)*

CHRONOTOPE SPECIFICITY IN THE FAIRY-TALE OF V.P. KRAPIVIN «“CHOKI-CHOK”, OR THE TRANSPARENT CAT KNIGHT”»

Abstract. The article is devoted to the consideration of the specifics of the chronotope of the fairy-tale of V.P. Krapivin «“Choki-chok”, or the Transparent Cat Knight”». Chronotope, the organization of time and space in a work, is determined by genre characteristics, the idiostyle of the writer. Chronotope of V.P. Krapivin sfairy-tale is characterized by the presence of three dimensions: the real world, the surreal world of the Penochkin house, the magical land of Australia. The central character of the work, LeshPenochkin, is the connecting link of the three dimensions of the work's chronotope. The central character of the work, LeshPenochkin, is the connecting link of the three dimensions of the work's chronotope.

Keywords: chronotope, space, time, artistic image, fairy-tale.

Текст художественного произведения нередко раскрывает перед читателем особенный, фантастический мир, но устроенный настолько мастерски, что воспринимается как нечто естественное, реальное. Понимание особенностей создания уникального мира произведения тесно связано с понятием «хронотоп», которое систематизирует специфичность организации времени и пространства художественного текста.

Хронотоп произведений детской литературы определяется природой жанра, авторским идиостилем, избранной автором проблематикой. Цель предложенного материала – рассмотреть специфику хронотопа повести-сказки В. П. Крапивина «“Чокичок”, или Рыцарь Прозрачного кота». Теоретической основой данной статьи стали работы М. М. Бахтина, И. В. Алимбочки, Я. В. Корольковой и других.

Неповторимость текста художественного произведения обусловлена особенным характером отражения действительности. Художественное слово воспроизводит реалии жизни в образной форме, символично, в то же время, предоставляя читателю специальные знаки, позволяющие увидеть, что смысл литературного произведения исходно понимается в отобранной микромодели жизни. «Художественный текст, независимо от того, к какому литературному жанру принадлежит, отражает события, явления или же психическую деятельность человека в их пространственно-временной ориентированности» [Кандрашкина 2011: 1217]. Первые и важнейшие для образования смысла параметры понимания мифопоэтической модели художественного произведения (что является особенно актуальным для произведений детской литературы) – пространственные и временные характеристики. Такие характеристики в литературоведении определяются понятием «хронотоп».

Согласно М.М. Бахтину, хронотоп – это «формально-содержательная категория литературы» [Бахтин 1975: 234]. Речь идет о «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Там же]. Художественное время «отражает соотношенность событий, ассоциативные, причинно-следственные и психологические связи между ними, создает сложный ряд событий, выстраиваемых в

ходе сюжетного развертывания произведения» [Кандрашкина 2011: 1217]. Время в тексте может «иметь четко определенные или достаточно размытые границы (события, например, могут охватить десятки лет, год, несколько дней, день, час и т.п.), которые могут обозначаться или, напротив, не обозначаться в произведении по отношению к историческому времени или времени, которое автор устанавливает условно» [Там же].

Эстетическое пространство относительно художественного текста – это «пространственная организация его событий, неразрывно связанная с временной организацией произведения, и затрагивающая систему пространственных образов текста» [Там же: 1218]. Пространственные локусы, описанные в текстах (названия стран, городов, местностей), – маркеры пространственного устройства литературного произведения. Понятие хронотопа не только объединяет в себе категории пространства и времени, но и «является смыслообразующим центром основных описываемых автором событий» [Там же: 1221].

Значение хронотопа в произведении не ограничивается его формальной, сюжетной ролью. Хронотоп выполняет в художественном тексте следующие функции: «структурирование и организация мира произведения, обеспечение художественного единства произведения, объективация художественных и культурных смыслов литературного произведения» [Алимбочка 2014: 457]. Понимание истинного предназначения хронотопа возможно только при рассмотрении его в формально-содержательной плоскости.

Категория хронотопа в произведении пребывает в неразрывной связи с его жанром. Избранное к рассмотрению в данной статье произведение В. П. Крапивина – повесть-сказка.

Интерпретационная смысловая широта, на наш взгляд, в данном случае обусловлена ресурсами жанра сказки. Сказка обладает подвижным жанровым содержанием. С одной стороны, «память жанра понуждает сохранять традиционную, архетипическую основу, с другой – установка жанра на исполнение, пересказ делает ее открытой для читательской интерпретации и для влияния окружающих контекстов. Сказка легко вбирает в себя контексты времени и места: господствующие идеи, приемы

актуальных литературных направлений и авторитетных писателей» [Абашева, Зырянова 2019: 251]. Сохраняя традиционные жанровые черты, сказка, в силу безграничности возможности собственно чудесной, фантастической основы, позволяет писателям воплощать самобытное, индивидуальное авторское начало.

Закономерно, что литературная сказка, с течением времени, претерпевает определенные изменения, но «сказка всегда содержит элемент волшебства или иной сверхъестественный элемент, который является чистым вымыслом» [Намычкина 2010: 104]. В литературной сказке художественный вымысел по большей части касается и бытовых реалий (небывалые золотые дворцы и т.п.), чудесных существ, удивительных приключений и т.д. [Уюкбаева 2009: 330]. «Художественный вымысел в литературной сказке моделирует реальную жизнь в своей особой форме» [Там же]. Хронотоп литературной сказки и представляет этот самый особенный элемент, формирующий так называемую «сказочность». Жанрообразующая роль в сказке принадлежит чуду, которое «оказывает влияние на развитие сюжета, образы персонажей, принципы организации хронотопа» [Королькова 2010: 142].

Хронотоп повести-сказки В. П. Крапивина «“Чоки-чок”, или Рыцарь Прозрачного кота» характеризуется наличием трех измерений: реального мира, ирреального мира дома Пеночкиных, волшебной страны Австралии. Центральный персонаж произведения Леша Пеночкин – связующее звено трех измерений хронотопа повести-сказки. Он действует в трех мирах: в реальном мире – как активный ребенок, для фантастических обитателей собственного дома – как добродушный помощник, в волшебной стране Австралии – как находчивый победитель злого колдовства.

В реальном мире живут представители семьи Пеночкиных. Отец, Евгений Павлович, – художник. Мама, Елена Олеговна, работает костюмером в оперном театре. Возможность купить дом на улице Крайней появилась в семье после того, как картины Евгения Пеночкина были замечены иностранными туристами на выставке и вскоре приобретены. Дом представлял для семьи не столько материальную ценность, сколько был ва-

жен как память о детстве Евгения Пеночкина – именно здесь когда-то жил его дедушка, выдающийся художник.

Описание нового приобретения Пеночкиных – текстовый маркер реальной части хронотопа повести-сказки:

«В доме было несколько просторных комнат и множество закутков, чуланчиков, переходов и лесенок. Дом был почти двухэтажный. Почти – потому что второй этаж не отличался той прочностью и высотой, что нижний. Назывался он “мансарда”. Там располагалась мастерская художника. Часть крыши у мансарды оказалась застекленной, чтобы в мастерской было больше света» [Крапивин 2000: 25].

В описании дома автор уделяет значительное место бане. В контексте понимания формальной и содержательной специфики произведения этот прием представляется значимым, ведь именно в бане обитают особые существа: домовый Ыхало, тень Кота Филарета, – персонажи, символизирующие еще одну составляющую хронотопа произведения – ирреальный мир дома Пеночкиных.

В ходе знакомства Леши и Даши с добросердечным и обаятельным домовым Ыхало последний объясняет ребятам: «...Весь этот дом в какой-то степени живой. Это он при старухе замер и закаменел весь. А сейчас, я надеюсь, опять оживет... Вы поэтому не бойтесь, если он иногда станет побряхтывать, бормотать, и, может быть, даже разговаривать» [Там же: 22]. Примечательно, что автор подчеркивает важность доброжелательного отношения к окружающим как единственно возможную модель общения с миром.

Домовой Ыхало описан соответствующе фантастическому персонажу:

«...Метровой высоты пузатый самовар с футбольным мячом вместо чайника. А еще представьте, что самовар этот и мяч обмазали клеем и вывалили в клочьях пыльной шерсти, пакли, паутины и всякого мусора, затем украсили мяч-голову большущими круглыми глазами. Зелеными, как бутылочное стекло. Угадывался у мяча и широкий рот, ног не было даже намек на нос» [Там же: 15].

Волшебная страна Аستراليا, третья сфера хронотопа, связана с другими частями хронотопа произведения через портал, расположенный в повести в городе Хребтовске (пользуются порталом как персонажи-люди, так и фантастические герои ирреального мира дома Пеночкиных). Речь идет о рельсах, которые «лежали на гнилых шпалах очень близко друг от друга – как на детской железной дороге в парке» [Там же: 36].

Средством связи между ирреальными и реальным миром становится поезд, который постоянно видоизменяется:

«С поездом происходили удивительные изменения. Ящики стали просторнее. На стенках выросли витые столбики, и, оказалось, что они поддерживают бело-красные полосатые навесы с бахромой и кисточками. Появились желтые лаковые скамеечки. Но самое интересное случилось с самоваром. Высокая трава, сквозь которую пробирался поезд, начистила самоварубока до солнечного сверкания. Кроме того, он заметно вырос, на нем появились всякие паровозные приспособления. Мягкий облезлый самовар превратился в настоящий маленький локомотив» [Там же: 78].

Все части хронотопа повести-сказки взаимосвязаны. Обитатели Австралии существуют в реальном измерении города Хребтовска рядом с детьми и домовыми. Так, буква «А» даже имеет скверный характер: «Как ни пицала, как ни вертелась буква "а", ничего ей не помогло. В своей комнате Леша выдавил на альбомный лист каплю конторского клея, размазал ее пальцем и на липкое пятно припечатал букву-скандалистку. Она пискнула еще, хныкнула, втянула ручки-ножки и присмирела. Словно капризная девчонка, которую решительной рукой поставили в угол» [Там же: 67].

Лунчик Луняшкин – маленький и несколько меланхоличный: «На краю стакана сидел маленький рогатый месяц. Мокрый. С глазками, носом и улыбчивым ртом. Ростом со спичечный коробок. Он был похож на елочную игрушку. От него-то, как от ровного пламени свечи, и расходился желтый свет» [Там же: 118]. Малыш впоследствии станет настоящим другом Ыхало.

Волшебная страна Аستراليا, как часть пространственной организации произведения, описана наиболее поэтично, сказочно. Столица страны – «удивительный город»:

«Здания перемешивались в нем с деревьями. Старые стволы-великаны стояли в одном ряду с крепостными башнями... Там возвышался замок. Стоял замок не на земле. Судя по всему, он был построен на остатках дерева чудовищной величины. Башни соединялись галереями и арками, на которых тоже стояли большие и маленькие постройки. Древесный ствол-великан был опорой для всех этих перепутанных белых сооружений. А выросший на нем замок напоминал пышно распустившийся цветок, который превратился в целый городок и повис над столицей» [Там же: 177-178].

Среди жителей волшебной страны самый значимый – Гран-Палтус дон Куркурузо, главный маг Австралии.

С наиболее сказочной частью хронотопа повести-сказки связано концептуальное сюжетное событие – нарушение работы генератора волшебного мира. Главный маг рассказывает гостям из Хребтовска: «Что-то, видимо, случилось с генератором волшебного мира, начались непредвиденные изменения. Столица и ее окрестности оказались отрезанными от Приастралья» [Там же: 153]. Образовалась такая непробиваемая блокада, когда пространство никого не пропускает внутрь себя. Представленное выше описание иллюстрирует структурность воплощения художественного пространства, что свидетельствует о самобытности идиостиля писателя.

Относительно организации художественного времени в каждой из частей хронотопа повести-сказки, отметим следующее. Герои реальной части хронотопа произведения, а также фантастические обитатели дома Пеночкиных живут в реальном времени, перемещение же этих героев в Австралию происходит во время сна.

Таким образом, мы рассмотрели хронотоп повести-сказки В. П. Крапивина в его трех измерениях (мира реального, ирреального и волшебной страны), где художественное единство обеспечивается рядом связующих звеньев, образов. На наш

взгляд, избранная для рассмотрения тема представляет собой перспективное поле для дальнейших исследований.

Литература

Абашева М. П., Зырянова А. И. Литературная сказка в исторической и методологической перспективе // Вестник Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2019. Т. 29. Вып. 2. С. 246-254.

Алимбочка И. В. Хронотоп как структурный компонент художественного образа // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. IV Международ. науч. конф. молодых ученых, посв. 80-летнему юбилею кафедры иностранных языков (7 февраля 2014 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 457-462.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. С. 234-407.

Кандрашкина О. О. Категории пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения // Известия Самарского наружного центра Российской академии наук. 2011. №2(5). Т. 13. С. 1217-1221.

Королькова Я. В. О соотношении литературной сказки и фэнтези // Вестник ТГПУ. 2010. № 8 (98). С. 142-144.

Кративин В. П. Собрание сочинений. Кн. 3. Рыцарь Прозрачного kota: Повести. М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. 521 с.

Намычкина Е. В. Сказка как литературный жанр // Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2010. № 3. Т. 2. С.103-109.

Уюкбаева М. И. Художественный вымысел и литературная сказка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 329-333.

С. С. Фалалеева

*(Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

АРХЕТИП ПРЕКРАСНОГО ПРИНЦА В РОМАНЕ Л. ЗАРЕЦКОЙ «ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ»

Аннотация. В статье рассматриваются модификации архетипа Прекрасного Принца в системе персонажей романа Л. Зарецкой «Приворот для Золушки» (2015).

Ключевые слова: Прекрасный Принц, архетип, гендер, абьюз, массовая литература.

S. S. Falaleeva

(Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia)

THE PRINCE CHARMING ARCHETYPE IN THE LOVE-STORY “THE LOVE SPELL FOR CINDERELLA” BY L. ZARETSKAYA

Abstract. The paper deals with modification of the Prince Charming archetype in the character system of the love-story “The love spell for Cinderella” by L. Zaretskaya.

Keywords: Prince Charming, archetype, gender, abuse, popular literature.

В связи с актуализацией темы гендерных репрезентаций в исследованиях культуры представляют интерес метаморфозы архетипа Прекрасного Принца, зафиксированные в современном русском дамском романе. В настоящей статье мы обращаемся к данному архетипу на материале произведения Людмилы Зарецкой «Приворот для Золушки» (2015).

Образ Прекрасного Принца является специфическим элементом женских сказочных нарративов, будучи связан с функцией «жениха». Так, советский фольклорист и этнограф А. И. Никифоров утверждает, что в основе структуры женской волшебной сказки лежит сюжет «а) о добывании (главным образом жениха, но с морфологическим составом эпизодов совершенно иным, чем в мужской сказке о добывании), б) о страданиях невинно гонимой (девушки или женщины)» [Никифоров 2008: 318]. Целый ряд сказок дает примеры того, как функция «жени-